

ренного равновесия и смысла существования... Мир, который не выявляется публично».

Писательница отвечает, и это ее убеждение, реализованное в книгах, звучит теперь как творческое завещание:

«...Хорошая книга, если она написана увлеченно и убежденно, имеет прямой доступ в этот скрытый от глаз внутренний мир человека. Она может — и должна! — пробудить в его душе все лучшее, что в ней заложено, обогатить его мысли и чувства и развенчать все мелочное, дурное, пошлое, чтобы человек сам устыдился и подавил в себе недостойное. Если книга ничего не пробуждает в душе, это плохая книга, даже если она написана превосходным языком. Но такие книги не бывают написаны превосходно, ведь стиль — это выражение внутренней сути писателя, а холодная суть и выражается холодно...»

* * *

На необычной для себя ноте беспечности, безмятежности начинает Владимир Тендряков повесть «Весенние перевертыши». Его герой твердо усвоил, «что такое хорошо и что такое плохо», мир вокруг него предстает простым и ясным, и в этом мире он, тринадцатилетний Дюшка Тягунов, — не последний человек. Кажется, чего же проще: хорошо — учиться на пятерки, хорошо — слушаться старших, хорошо — каждое утро делать зарядку. Однако все до поры. И вот случилось... Дюшкиного безмятежного сердца коснулась любовь. Оказывается, Римка Братенева, которая живет в их подъезде и которую он видит раз по десять в день, похожа на Наталью Гончарову, жену Пушкина! «Творец тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец...» Красавица! И вот нельзя уже отвести глаз от ее курчавящихся у висков волос, легких, взлетающих рук, и сердце не умещается в груди, и небо совсем иное — притягивающее

и звонкое, и сам он стал словно зорче видеть, чутче слышать, острее воспринимать мир, который вдруг чрезвычайно изменился, этот «ясный, устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертыши».

Теперь уже нельзя определенно, однозначно ответить, хорошо ли, плохо ли носить в портфеле кирпич против своего ровесника Сашки Ерахи, быть безоглядно, самодовольно счастливым в присутствии друга Миньки, или — еще сложнее! — понять, что человек может одновременно быть «добрым и плохим», как думает о своем отце Минька Богатов. То, что еще вчера Дюшка не замечал, чего не слышал, с чем мирился, сегодня касается его лично, остро радуется, изумляет или, напротив, ранит, печалит.

Невелика и незнатна вроде бы разбитая лесовозами улица Жан-Поля Марата в лесном поселке Куделино, но жизнь людей, ее населяющих, таит свои драмы, радости и боли. Нужно только всмотреться в каждого из этих людей, как всматривается теперь ставший иным Дюшка.

Вот у Минькиного отца, Никиты Богатова, «все не так, как вокруг Дюшки,— идут рядом, живут рядом, но в разных мирах. А Дюшкин отец тоже совсем, совсем рядом, но у Дюшки одно, у отца другое. И у матери другое, не похожее ни на Дюшкино, ни на отцовское, ни на Никиты Богатова... Неужели сколько людей, столько и разных миров?»

Огромность мироздания, изменчивость человеческих отношений, след времени на земле постигает прозревающая Дюшкина душа. Вряд ли истинная виновница этого прозрения — Римка Братенева. Случилось иное: Дюшкина душа обрела вдруг какую-то внутреннюю зоркость, и Дюшка изменился, научился наблюдать, размышлять. Его восприятие окружающего так обострилось, что Дюшка, кажется, почувствовал движение самого времени.

Нет, не изменил взыскательному взгляду

па человека, звучанию своей прозы Владимир Тендряков в повести «Весенние перевертыши». Детскую душу, внутренний мир тринадцатилетней личности он застает на переломе, в момент качественного ее изменения, мужания. Оттого и тональность повести переменчива, как хрупка и переменчива потаенная, невидимая миру духовная жизнь мальчика, становящегося подростком.

Кто-то чуткий и мудрый сказал: «Ребенок — отец взрослого человека». Здесь нет парадокса: цельный, идеальный мир детства подчас мудрее мира взрослых. Рыцарски бескорыстная, бережная, не отягощенная еще житейскими разочарованиями любовь Дюшки Тягунова к людям, максимализм его чувств и поступков заставляют взрослых — и отца, и мать, и приходящую бабушку Климовну, и старого учителя Васю-в-кубе, и даже красивую директоршу с «громким, решительным голосом» — идти к истине по тропинке детства, смотреть на Дюшкину драму с его высокой отметки.

Много неожиданного открывает тендряковский герой в жизни и в себе самом. Все в этом мире связано между собой, и все зависят друг от друга: судьба лягушки, висящей в Санькиной руке вниз головой, — от жестокости Саньки; жизнь больного Гринченко — от таланта и самоотверженности врача, Дюшкиной матери; доброе настроение матери — от внимательности отца; счастье Дюшки — от взгляда Римки, а Римкина печаль — от равнодушия Левки Гайзера... И эта зависимость делает Дюшку ответственнее, сильнее, он уже способен, защищая слабого Мипьку, бросить в лицо страшноватому Саньке Ерахе: «Не тронь человека!» Личность подростка показана в развитии, и мы уже предчувствуем в Дюшке характер общественный, деятельный, человеческий.

Писатель не прослеживает истоки другого, противоположного Дюшке характера, злонамеренного, ограниченного и жестокого

Саньки. Пожалуй, в повести это единственный образ «без роду без племени». Он не имеет, несмотря на живописную выразительность, той достоверной объемности, как многие другие персонажи. Санька выступает как бы обобщением, символом активной недоброты, общественно опасного зла — пусть зла еще в зародыше, в чуть проклюнувшемся ростке. Но знаем мы, что впоследствии такой Санька может обернуться коварным, беспощадным бандитом Бушуевым («Тройка, семерка, туз»), или душевно глухим Кешкой («Поденка — век короткий»), или бездушно ретивым исполнителем Божеумовым («Три мешка сорной пшеницы»). Человек начинается с детства.

Писатель в «Весенних перевертышах» вопреки своей традиции отбора жизненного материала намеренно исследует здесь вполне заурядные, без исключительных ситуаций жизненные обстоятельства. Но, учит повесть, в самой обычной, ежедневной жизни идет постоянный нравственный бой, и не надо ждать исключительного случая, чтобы выбрать, чью сторону принять.

В конечном счете все устроилось к лучшему в поселке Куделино: выздоровел раненый Сапкой Ерахой Мишка, «Саньку теперь, должно быть, уберут из поселка», Пикиту Болотова Дюшкин отец пристроит к настоящему делу, мать поставила на ноги умирающего Гринченко. А Дюшка все-таки останется со своей бедой: Римке Братеповой правится не он, а Левка Гайзер. «Под опущенными ресницами родилась колючая искорка, поиграла робким лучиком и освободилась от плена — прозрачная капелька, нехотя ползущая по глубинному опущенному румянцу. Слеза не по нему». Любовь Дюшкин безответна. Это его первая жизненная драма. Да, драма, и писатель очень серьезен и уважителен к ней.

Одну из своих книг В. Тендряков назвал «Перевертыши». В сборник кроме «Весен-

них перевертышей» входят еще пять повестей — «Три мешка сорной пшеницы», «Кончина», «Поденка — век короткий», «Суд», «Тройка, семерка, туз». Название сборника — не просто усеченный заголовок одной из повестей. Все их объединяет мысль: «Прекрасный мир окружал Дюшку, прекрасный и коварный, любящий играть в перевертыши». Старинное слово «перевертыш» писатель здесь толкует не только как безобидный «перекпдыш», но и как грозящий бедой «оборотень».

Пласт жизни, захваченный и исследованный писателем в каждой из повестей, непременно включает в себя остро обнаженный жизненный конфликт, где прекрасное вступает в противоборство с коварным. Тендряков не сглаживает, не упрощает проблемы: прекрасное не всегда празднует победу. Художник доверяет в этом случае жизненному опыту и нравственным критериям читателя, которому по плечу извлечь урок из показанной ему жизненной драмы, не испугаться, не разочароваться, по научиться сопереживать чужой боли. «Почувствуй мое, как свое...» — это непреложное условие Тендрякова во взаимоотношении с читателем.

...Настя Сыроегина, двадцати семи годов, свипарка из деревни Утицы («Поденка — век короткий»), не помышляла ни о славе, ни о статьях в газете в ее честь.

Она ждала своего счастья, и пусть оно будет «самое пезатейлпвое, такое, как у всех, как у Глашки, как у Павлы, чтоб муж... чтоб дети, чтоб семейным теплом была согрета изба и мать на старости лет в приюте». Пришло оно наконец, счастье, все, что можно желать, — и любовь, и достаток в доме, и почет в колхозе, районе, области. Но не спит почамп, мечется Настя Сыроегина: виной всему — «мертвые поросычьи души», приписки, тяжкое бремя, необходимость «держатъ марку», соответствовать званию «гордого знамени» района, как величает ее на всех

собраниях председатель. Растрепанная ложью, страхом, дутой славой, душа Насти ищет оправдания, выхода, спасения: может, не только она сбилась с дороги? Но суд собственной совести выносит приговор: «Не настоящая ты, Настя, фальшивый камушек в дорогой сережке». Горит подоженный Настей новый свинарник, горят в нем, истошно визжа, выращенные ею свиньи, рвется к небу Настип «надрывно зовущий, плачущий голос: «Спаси-те!! Спаси-те!!»

Писатель завершает повесть значительной фразой: «Люди добрые, спасите Настю». В этой фразе и укор Насте, и сострадание, и признание вины тех, кто довел молодую женщину до преступления, до перерождения. И тогда все те, кто в повести держался как бы в тени, на обочине, по кто каким-то образом касался Настиной жизни, судьбы, выявляются отчетливо, и столь же отчетливо обозначается их доля вины. Кто же виноват? С чего началось падение Насти Сыроегиной?

И писатель обвиняет и Веньку Прохоренко, первого парня, который обманул юную любовь и надежду Насти, и «недельного мужа» Кешку Губина, не желавшего считаться с ее дочерними чувствами, дочерним долгом, и ее «желторотенького» мужа, одержимого казенным бодрячеством Костю Неспанова, притулившегося к знатной свинарке района. Всех, кто потакал незаконному Настиному возвышению, кто помогал «зажигать маяк», кто равнодушно терпел показуху.

Но более других обвиняет Тендряков Артемия Богдановича Пегих, председателя колхоза. Это такие, как он, Пегих, ревностно подхватывали иные неоправданные кампании с «королевой полей» и пресловутыми «горшочками» и внедрили, внедрили, поселяя в души колхозников неестественное чувство равнодушия к земле. Это из-за таких, как Пегих, бежали из колхоза в «городскую жизнь» способные к технике молодые ребята

Венька и Кешка или подавались в буфетчицы в райцентр, как Маруся Шекоткина. Безответствен и безнравствен Пегих, который вместо планомерного подъема всего колхоза на основе разумной системы хозяйствования хочет вырваться в передовые на дутом рекорде, на гонке, на подстегивании и подкармливании единичных «героев» — лишь бы пустить пыль в глаза районному начальству, лишь бы греметь, мелькать в газетах. Не *быть*, а *казаться*. И тогда за это платят своей судьбой такие, как Настя. К несчастью, никто в деревне Утице не крикнул Артемию Пегих смелое, благородное Дюшкино «Не тропь человека!». И потому заведомо запоздалым призывом, горько, иронично звучат слова писателя: «Люди добрые, спасите Настю». Тему ответственности людей друг за друга, душевного внимания к судьбе другого человека, взаимосвязанности жизней писатель заявляет в повести во весь голос, остро, порою обращаясь к открытой публицистике. Верный своему художественному принципу, он доводит коллизию повести до исключительности, героиню — до душевной трагедии, чтобы читатель в мире сильных чувств и сострадания острее почувствовал и свою ответственность за конкретного человека, и вынес нравственный урок. «Почувствуй мое, как свое...»

Есть в реальности такие люди, есть они и в книге «Перевертыши».

Герои повести «Суд» не только ищут, чья шальная пуля убила во время медвежьей охоты проходившего мимо парня. Речь в повести идет и о доверии к человеку, об истинности человеческой сути, ядре характера — как его понять и оценить. Кто же невольно убил парня? Полуграмотный фельдшер, сосед медвежатника Тетерина, «несерьезный человек» Митягин, и стрелять-то толком не умеющий? Или Дударев, фигура в этих местах, начальник строительства деревообделочного комбината?

Привычный герой, заранее взыскующий

читательского внимания и доверия, старый охотник-медвежатник Семен Тетерин, «лицемерие народа», априори несет в себе истинность поступков и подлинность чувствований. Не то — Константин Дударев, он чужак, интеллигент из города, человек, отделенный от злосчастного Митягина несколькими ступенями служебной лестницы.

В разборе несчастного случая на охоте, «юридического казуса», казалось бы, исконный хозяин местных лесов должен взять верх, одержать нравственную победу — так диктует логика и опыт жизни, традиции характера. Однако Тендряков — художник, мыслит в русле движения и обновления жизни, совершенствования человеческих отношений. Добрее, последовательнее, ответственнее за человека оказывается «пришелец», «разрушитель» векового уклада и покоя, но и носитель новой, социалистической морали — Константин Дударев.

Повесть «Суд», пожалуй, полемизирует с теми произведениями, где идеализированный, статично неизменчивый народный тип сельского жителя доведен до обобщенности лубка. На этот тип в литературе порой не влияют ни годы, ни изменение общественного уклада, ни социальные перемены в деревне, ни взаимодействие ее с городом. У Тендрякова этот тип высвечивается на фоне новизны, перестройки жизни. «Люди меняются медленнее, чем сама жизнь... Мало поднять комбинат, проложить дорогу, переселить людей в благоустроенные дома. Это нужно, но это еще не все. Нужно учить людей, как жить», — размышляет Дударев, отстаивая Митягина от обвинения суда и от предавшего его своим невмешательством Тетерина, пусть и честно живущего в глухомани, но растерявшегося и отступившего в обстановке иной жизни.

Многообразие характеров и качеств человеческой личности открывает в своих героях В. Тендряков. Эти люди вобрали опыт современников, влияния общественных коллизий,

они несвободны от воздействия своего времени и обстоятельств бытия, а значит, они есть человеческие типы, которые и должно воссоздавать в литературе.

Вот человек, «живущий невпопад» — Никита Богатов, рефлекслирующий, берущий пошу не под силу, безответственно углубленный только в себя и делающий несчастными окружающих. Вот «мешающие жить на свете» Санька Ераха, Бушуев («Тройка, семерка, туз»), Пегих («Поденка — век короткий»), Божеумов («Три мешка сорпой пшеницы»). Вот человек «без углов», приспособленец Валерий Чистых («Кончина»).

А вот тип человека, «распахнутого для всех». Таковы Федор Тягунов — отец, Дюшка, Вася-в-кубе, таковы Константин Дударев, Саша Дубинин («Тройка, семерка, туз»), Женька Тулупов, Андриан Глущев, секретарь райкома Иван Бахтьяров («Три мешка сорной пшеницы»), Сергей Лыков («Кончина»). Это люди, обновленные жизнью, ответственные за жизнь, гармоничные «делатели» добра — на них падает, в них верит писатель Тендряков как художник и гражданин.

* * *

Социально-психологические процессы, происходящие в обществе, не только чутко улавливаются советской литературой, — по способу обратной связи она пытается передать свое понимание наилучшего воспитания личности, свой образ-мечту о человеке общества развитого социализма.

В документальной повести (или обширном художественном очерке) Василия Рослякова «За рекой, в деревне», по странной прихоти судьбы явно недооцененной в критике, однажды герои, жители деревни Дорофеево, как на большой праздник собрались в совхозную картинную галерею, которую мужики соорудили по личному проекту и настоянию совхозного Комиссара, человека с мандатом